

СИЛА БАТЫЕВА

В 1240-е годы русские и монголы жили как добрые соседи

После бурных событий 1240—1242 годов в Новгородской земле наступило относительное затишье. Судя по всему, Ливония, Литва и шведы поняли, что их представления о разоренной монголами Руси ложные, и прекратили свои вылазки. Правда, ортодоксальная историография внушает нам мысль, что именно в эти годы началось монголо-татарское иго.

Осенью 1242 года князь Ярослав Всеволодич был позван царем татарским Батыем придти к нему в Орду. Это сообщение русских летописей идентифицируется как дата начала монголо-татарского ига на Руси (хотя некоторые историки поспешно объявляют, что это случилось еще в 1240-м, когда Батый взял Киев). На самом деле ничего подобного не происходило. Не до порабощения русских было Батыю...

Примерно в то время, когда Александр Ярославич громил тевтонцев в Пскове и на Чудском озере, Бату-хан со своими войсками не менее успешно воевал в Венгрии и Словении, с боями пройдя Восточную Европу от Черного до Балтийского моря и отсюда — к Средиземному. Но весной 1242 года он получает запоздалое известие о смерти в Большой Орде императора (как его называли западные историки) монголов Угэдея, сразу же разворачивает войско на восток и возвращается в... Русь. Если быть точным, то — в низовья Волги, в места обитания половцев, болгар, кипчаков — тех степняков, с которыми монголы собственно и шли воевать в 1237 году на войну, которую в своих хрониках называют кипчакской.

САРАЙ БАТУ-ХАНА

Абсолютно логично и даже тривиально будет сопоставить два факта: в начале 1242 года Батый в Европе, а в конце — зовет к себе в Орду «на поклон» великого князя Ярослава! Но было ли что предъявить русскому князю, чтобы добиться от него покорности? Золотой Орды как таковой не было, было поселение, спешно строилась будущая столица — Сарай...

Да, Николай Карамзин пишет: «Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве Моголов в ратном деле: древние Россияне, в течение многих веков воюя или с иноплемениками или с единосемцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве испытывать людей ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины Князей и города не хотели соединиться, действовали особенно и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева: ибо сей завоеватель беспрестанно умножал рать свою, присоединяя к ней побежденных». Однако и 500 000 воинов у Батыя не было. Во-первых, трудно даже вообразить, что такая лавина перекачивалась по евразийским пространствам, сохраняя мобильность и боеспособность! А во-вторых, еще в 1239 году большая часть монгольских сил была отозвана в Большую Орду. В реальности Бату-хан по возвращении в Русь располагал приблизительно четырьмя-пятью тысячами бойцов, к тому же предельно измотанных походами. Да и ушел он из Европы, потому что понял: грядущая смена власти в Карокооруме (столица Великой Орды, которую русские летописи именуют Канови) наверняка будет не в его пользу, он перестанет получать поддержку и в конце концов будет разбит европейцами. Так должен был рассуждать полководец, понимая, что место Угэдея займет не он, Бату-хан, всего лишь племянник покойного императора, находящийся за тридевять земель от эпицентра интриг, а старший сын покойного — хан Гююк.

Отношения с Гююком у Бату-хана были более чем сложные. Они стали врагами, не поделив лавры победителей в Кипчакском походе. Вот как повествует об этом «Сокровенное сказание» (Монгольский обыденный сборник, XIII век): Из Кипчакского похода Батый прислал Угэдей-хану следующее

секретное донесение: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мерет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводья, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гююком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: «Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да приотптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!». А Гююк говорил: «Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!»...

Из-за этого Батыева доклада государь до того сильно разгневался, что не допустил Гююка к себе на прием. Он говорил: «У кого научился этот наглец дерзко говорить со старшими? Пусть бы лучше сгнило это единственное яйцо. Осмелился даже восстать на старшего брата (Бату был двоюродным братом Гююка. — Г.Р.)».

Отсюда следует только одно: под предлогом закрепления на завоеванных половецких территориях (заметьте, не в Киеве, не в Чернигове, не в Суздалье) Бату-хан приступает к созданию даже не государства, а некоего укрепленного района. По крайней мере на первых порах, пока не наступит ясность в его отношениях с руководителями государства монголов. Но определенность необходима была и в отношениях с Русью.

В книге Георгия Вернадского «Монголия и Русь» этому дается такое объяснение: «Одним из первых действий Бату стал созыв ведущих восточно-русских князей в Сарай с тем, чтобы они принесли вассальную клятву верности. Когда монгольская армия во главе с Бату вернулась в Южную Русь из Венгрии, большинство недремучих князей со своими военными соединениями отправились назад в Монголию». Как видим, фрагмент содержит логическое противоречие: вассальную клятву русские должны принести явно слабому господину. Логика восторгается, если принять такую версию: Бату-хан приглашал русских князей, чтобы получить от них заверения в лояльности, заручиться их расположением.

ПО ВЗАИМНОМУ СОГЛАСИЮ

Совсем не случайно первым получил приглашение самый влиятельный из княжеских когорты — великий владимирский князь. Батый не мог не знать, что именно Владимир принадлежало первенство среди русских городов в XIII веке. После гибели Юрия Всеволодовича там был новый лидер, позиция которого, конечно, интересовала монгола. А кто едет след за Ярославом Всеволодовичем? Владимир Константинович, князь Углича (сдался монголам в 1238 году без боя); Василий Всеволодович, князь Ярославля (без боя); Борис Василькович, князь Ростова (без боя).

Думается, этот список приглашенных недвусмысленно раскрывает намерения Бату-хана закрепить добрососедские отношения с вчерашним противником, начав с тех, в ком он менее всего сомневался. Причем подчеркнем, Батый не ведет речи о дани, не предъявляет претензии, не ставит условия: Батый почтил Ярослава и мужей его великой честью и отпустил, сказав ему: «Ярослав, будь ты главным князем» — на русском языке. Ярослав возвратился в свою землю с великой честью. Следом приезжают три вышеназванных князя. И

снова та же история: Батый почтил их честью достойно и отпустил, рассудив каждому его вотчину. И приехали они с честью на свою землю. Это все — из суздальской летописи. Новгородская вообще не знает об этих визитах. И о монголах в 1243—1245 годах не вспоминает. Зато вновь возникает Литва, нападающая на Торжок. И гнались за ними новоторжцы с князем Ярославом Владимировичем, и бились с ними. Отняли у новоторжцев коней и самих побили, и пошли с пленными прочь. Однако возле Торопца литовцев настиг Александр Ярославич с дружиной и отнял весь полон, а княжичей порубил без остатка, не упустив ни одного.

Столкновение было серьезным, но монголы к нему никакого отношения не имели. Зато, как сообщает летопись, на следующий год поехал князь Александр в Татарию, то есть в Орду. Об этой поездке Александра Ярославича к Бату-хану нет никаких подробностей. Суздальская летопись лишь добавляет к новгородской, что он поехал вместе с отцом и братом Андреем. Судя по всему, Ярослав Всеволодович представил сыновей Батыю. После этого они вернулись домой: Александр — в Новгород, Андрей — во Владимир. А Ярослав отправился в Карокоорум, где намечались курултай (съезд вех монголов) и избрание Гююка императором.

Правда, если соглашаться только с новгородским летописцем, получится, что рутинная командировка Александра Ярославича продолжалась три года (запись о возвращении в Новгород датирована 1250 годом). На деле за это время Александр побывал у Батыя дважды. Вторично, когда узнал о смерти отца. Об этом сообщает Суздальская летопись, в 1247 году услышал Александр о смерти отца своего, приехал из Новгорода во Владимир и плакал по отцу с дядей своим Святославом и с братьями своими...

Кстати, в «Истории монголов» Плано Карпини сказано следующее о смерти Ярослава Всеволодовича: В то же время умер Ярослав, бывшим великим князем в некоей части России, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора, которая как бы в знак почта дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опиили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора без ведома бывших там его людей поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался...

Версия об отравлении великого владимирского князя на редкость живуча. Хотя Николай Карамзин первым выразил на сей счет недоумение: «Моголы, сильные мечем, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых. Мог ли Князь Владимирской области казаться страшным Монарху, повелевашему народами от Амура до устья Дунайского?».

АЛЕКСАНДР И АНДРЕЙ

Очевидно, что не выдерживают критики и слова Карпини об отказе Александра ехать в Карокоорум. Обратимся вновь к Суздальской летописи: В том же году (1247) поехал князь Андрей Ярославич в Татарию к Батыю, и князь Александр поехал за братом к Батыю. Батый почтил их и послал в Канови. Другое дело, зачем Батый отправил братьев в Канови-Карокоорум? Принято считать, что они спорили, кому

Святой благоверный князь Александр Невский (икона, 1861).

быть великим князем во Владимире. Это по меньшей мере странно: В том же (1247) году князь Святослав Всеволодович сел во Владимир на стол отца своего (Всеволода Большое Гнездо. — Г.Р.), а сыновей своих (племянников, которые обязаны были признать Святослава отцом, а точнее — старшим. — Г.Р.) посадил по городам, как было им установлено Ярославом. Без согласования с Батыем, а по воле Ярослава, подчеркивает Суздальская летопись.

Более правдоподобной выглядит версия, что Бату-хан вел с императором монголов Гююком свою игру и потому послал после смерти Ярослава Всеволодовича двух его сыновей, чтобы Гююк сам выбрал, кто из них подходит на роль русского лидера. Гююк решил по-другому, разделив между братьями сферы влияния: предложил Александру Киев, а Андрею — Владимир. Это было мудрое решение, поскольку наследовать киевский стол была новгородская традиция, и его Александр мог взять сразу. Владимирский же стол был занят, как полагал Гююк, и Андрей получил бы его после Святослава неизвестно когда. Ни Гююк, ни Александр с Андреем не знали, что за это время владимирский стол захватил (не считаясь с Ордой!) их брат Михаил. И ушел на войну с литовцами, где погиб до возвращения братьев!

Получилось, пока братья ехали домой, Гююк умер, и владимирский стол стал вакантным. Александр волю покойного проигнорировал и в Киев не поехал. Андрей же занял владимирский стол с удовольствием. Это случилось в 1249 году. В истории закрепилось клише, что вскоре новгородский князь благодаря доносу и кляузе добился отставки князя Андрея. Эту версию запустил в оборот Василий Татищев: «Пошел князь великий Александр Ярославич в Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и принял его хан с честью. И жаловался Александр на брата своего великого князя Андрея, будто тот обманул хана, взяв княжение великое от него как старейший и города отечественные поимев, выходы и дань платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повелел Неврюю-султану идти на Андрея и привести его». Как обычно у Татищева, источник сведений не указан: какая-то древняя, ныне пропавшая летопись. А ведь в период владимирского княжения Андрея Ярославича в Орде побывал (1250) и его дядя Святослав, незаконно лишенный стола, но ничего не добился.

Может быть, князь Андрей элементарно не справлялся со своими обязанностями, а, как пишет Карамзин, «занимался более звериной ловлей, нежели правлением; слушался юных советников и, видя беспорядок, обыкновенно происходящий в Государстве от слабости Государей, винил в том не самого себя, не любимцев своих, а единственно несчастные обстоятельства времени?»

Геннадий РЯВКИН.